

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. А. БАРАТЫНСКОГО

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-46-70

Г. П. Козубовская¹

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

ПРОЗА ПОЭТА: Е. А. БАРАТЫНСКИЙ²

В статье рассматривается повесть Е. А. Баратынского «Перстень» и анализируется специфика прозы поэта. Вывод специалистов о невостребованности прозы Баратынского, избравшего непущинский путь развития жанра (А. С. Бодрова), во многом связан с некоторой невнятностью смысла произведения: так, например, до сих пор спорен вопрос о пародийности повести. На наш взгляд, прозу Баратынского следует изучать в контексте его же поэзии, т.к. и в прозе, и в поэзии действуют одни и те же законы художественного мышления. В нарративе, демонстрирующем погружение в «поэзию действительности», сохраняющаяся линейность перебивается противоположным движением: встроены фрагменты с нагромождением «романтического», сюжетные нестыковки, неслиянность двух ипостасей героя повести Опальского, немотивированность некоторых его поступков создают впечатление несвязности, незавершенности и недоговоренности. Поэтическая семантика, мотив дороги и мифопоэтика Числа «раскручивают» некоторые скрытые смыслы повести, формируя объемный и многослойный текст.

Ключевые слова: Е. А. Баратынский, мотив, мифопоэтика, нарратив, поэтическая семантика, проза поэта, Число

G. P. Kozubovskaya

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

THE POET'S PROSE: E. A. BARATYNSKY

The article examines E. A. Baratynsky's novella "The Ring" and finds out the specificity of the poet's prose. The conclusion of specialists about the lack of demand for Baratynsky's prose, who chose the non-Pushkin path of genre development (A. S. Bodrova), is largely due to some indistinctness of the meaning of the work: for example, the question of the parody of the story is still disputed. In our opinion, Baratynsky's prose should be studied in the

---

¹ Галина Петровна Козубовская – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы АлтГПУ (Барнаул, Россия).

² Выбор написания фамилии связан с традицией использования этого варианта в наших предшествующих исследованиях, начиная с 1977 г.

context of his poetry, since the same laws of artistic thinking apply to both prose and poetry. In the narrative, which demonstrates immersion in the “poetry of reality”, the remaining linearity is interrupted by the opposite movement: embedded fragments with a pile of the “romantic”, plot inconsistencies, the inseparability of the two hypostases of the hero of Opalsky’s story, and the unmotivated nature of some of his actions create an impression of incoherence, incompleteness, and incompleteness. Poetic semantics, the motif of the road and the mythopoetics of the Number “unwind” some hidden meanings of the story, forming a voluminous and multilayered text.

Keywords: E. A. Baratynsky, motif, mythopoetics, narrative, Number, poetic semantics, poet’s prose

Повесть «Перстень» – единственное произведение художественной прозы Баратынского³ – написана в начале тридцатых годов (опубликована в журнале «Европеец» в 1832 г.), почти одновременно с пушкинскими «Повестями Белкина».

«Проза мне не дается...»⁴

В пушкинской оценке Баратынского, содержащейся в незавершенных материалах, отнесенных комментаторами к 30-м годам («Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» [Пушкин, т. 7, 1978, с. 153])⁵, угадан талант Баратынского-прозаика. Указание на «мысль» как оригинальную черту Баратынского соотносится с пушкинскими раздумьями о специфике прозы: «... она требует мыслей и мыслей» [Пушкин, т. 7, 1978, с. 12] – писал Пушкин в своих набросках еще в 1822 году.

В творчестве Баратынского, занявшего в 20-е годы достойное место на отечественном Парнасе⁶, поэмы – промежуточный этап между его поэзией и прозой.

Знаменателен такой факт: в декабре 1828 г. (между 7 и 14, как указано в Летописи) поступили в продажу «Две повести в стихах» (СПб., 1828) –

³ Все остальное предисловия и антикритика.

⁴ Фраза из письма Баратынского П. А. Вяземскому в декабре 1830 г. [Летопись, 1998, с. 236]. Далее письма Баратынского цитируются по: [Баратынский, 1951], в случае неучтенных писем в этом издании по: [Летопись, 1998].

⁵ См. подробнее, например: [Кулагин, 1991, с. 162–175].

⁶ Пушкин признавал первенство Баратынского в элегическом роде: «Баратынский – прелесть и чудо, “Признание” – совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий» [Пушкин, т. X, с. 78].

переплетенные под одной обложкой «"Бал. Повесть, сочинение Евгения Баратынского. СПб., 1828" и "Граф Нулин. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1827"» [Летопись, 1998, с. 214]⁷.

Поэма Баратынского, повествующая о сильных страстях, о женщине, переступившей черту, и завершающаяся смертью героини, сохраняет отсвет «романтического» (Так, в рецензии Н. Надеждина обозначен характер героини Баратынского: «Княгиня Нина есть олицетворенный идеал беспредельной ненасытимости в наслаждениях, прорывающий тесные рамы стыда и добродетели, идеал, до которого не достигали Лаисы и Нинонь» [Летопись, 1998, с. 218]), тогда как ироническая поэма Пушкина, построенная на анекдоте и содержащая пародийный элемент, соприкасается с «поэзией действительности»⁸.

От поэм «Бал» и «Наложница» – прямой путь Баратынского к прозе⁹.

О необходимости обращения Баратынского к прозе писали многие из окружения поэта. Так, П. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в январе 1829 г. сетовал: «Чем более знаю Баратынского, тем более ценю его ум и сердце. Жаль его оторвать от поэзии, но жаль и прозу нашу лишить его...» [Летопись, 1998, с. 217]. А в марте 1830 г. в письме к жене он, спрашивая о Баратынском, размышляет: «<...> Что слышно о Баратынском? Пушкину надобно написать к нему и заставить его непременно работать прозой для газеты¹⁰. Нужно нам поддержать ее плечами нашими <...>» [Летопись, 1998, с. 242]¹¹.

---

⁷ См.: Иванова Е. Ю. Две повести в стихах «Бал» Е. А. Баратынского и «Граф Нулин» А. С. Пушкина (к исследованию диалога двух произведений) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2016. № 2. С. 34-37, [Ивинский, 2023].

⁸ Разграничение в сознании Пушкина «высокой поэмы» и «стихотворной повести», как показала И. Гарт, случилось немного позже [Гарт, 2007].

⁹ См., например: Померанцев И. «Бал»: движение от поэзии к прозе // Russian Literature. 1998. Vol. XLIV, № II. P. 209-225, Манн Ю. В. «Он шёл своєю дорогой один и независим». Поэмы Баратынского // Манн Ю. В. Русская литература XIX века: эпоха романтизма. М., 2001. С. 174–205.

¹⁰ Речь идет о «Литературной газете».

¹¹ О «поддержке» см. интересную работу Л. Росси: Росси Л. Комментарий к пушкинской строке, или почему Онегин стоял, «опершись на гранит»? // Пушкинские чтения в Тарту 4. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария: материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 32–46; Росси Л. «Как описал себя пиит»: об изображении физической фигуры поэта в русской лирике конца XVIII – начала XIX

Баратынский, с энтузиазмом подхватив идею издания журнала (речь идет о журнале «Европеец»), хотя и не без доли сомнения в реализации этой идеи («Ежели дело дойдет до дела, то я – непременно и усердный твой сотрудник...») [письмо И. Киреевскому в сентябре 1831 г., Баратынский, 1951, с. 501]), признается в склонности к прозе: «... тем более, что меня клонит к прозе» [там же].

«Перстень» существует в контексте раздумий о прозе, которыми наполнены письма поэта.

Увещевания друзей и знакомых литераторов сыграли свою роль, и у Баратынского появились планы на прозу: «...Ваши разговоры произвели уже на меня свое действие, и я уже планировал роман, который напишу, ежели станет у меня терпения, а в особенности дарования» [письмо к Вяземскому, апрель 1829, Летопись, 1998, с. 222]. Роман – жанр, который стал предметом пристального внимания поэта в его письмах к друзьям.

Свою «теорию романа» он излагал в письмах к И. Киреевскому, подчеркивая необходимость ухода от «старого романа» [см. письмо от июля 1831 г., Баратынский, 1951, с. 497; оценка «Элоизы» Руссо с. 499, с. 502] и настаивая на выработке собственной философии, а не чужой – важное свойство, по его мнению, современного романа¹².

О том, что Баратынский был знаком с пушкинской прозой, в частности, с «Повестями Белкина», известно из письма Пушкина П. Плетневу от 9 декабря 1830 г., где он сообщал о реакции Баратынского на повести: «Баратынский ржет и бьется» [Пушкин, т. X, с. 324]. Традиционно эту реакцию связывали с тем, что поэт, хорошо знающий современную литературу, выразил свою оценку виртуозному мастерству Пушкина «вышивать новые узоры по старой

вв. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. тр. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 297–307. Образная формула восходит к представлению о Музе. Мотив поддержки обыгран Пушкиным в письме к П. А. Плетневу в октябре 1830 г.: «Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюсь непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околею. Покамест он уж может заказать виньетку на дереве, изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего “Литературную газету”» [Пушкин, X, с. 243].

¹² А в одном из писем к нему, зная, что тот начал писать роман «Две жизни», Баратынский интересуется: «Как ты поживаешь, милый мой Киреевский, и что ты подделываешь? Благодатно ли для тебя уединение? Идет ли вперед твой роман?» [Баратынский, 1951, с. 497].

канве», пародируя ходячие сюжеты¹³. Но В. Михайлов уловил в пушкинской формуле подтекст: сложности для самого Баратынского овладения им прозой¹⁴.

Переключиться на прозу оказалось для него не столь просто. Так, в письме к Вяземскому Баратынский сетует: «... я пользуюсь деревенским уединением, но не совсем так, как вы советуете. Проза мне не дается, и суетное мое сердце все влечет меня к рифмам. < ... >» [Летопись, 1998, с. 236]¹⁵. Ощущение неорганичности для поэта прозы порождает мотив бегства от нее назад, в поэзию¹⁶.

Сообщая о своих неудачах «одоления прозы», Баратынский констатирует: «Я мало писал в прозе и сколько раз за нее не принимался, всегда неудачно. Терпение мое истощалось на втором листе. По совести, я никак за себя отвечать не могу. Примусь за дело и попробую свои силы» [Вяземскому, ноябрь 1830, Баратынский, 1951, с. 494]. При этом он разграничивает собственно критическую серьезную, деловую, и художественную, во многом сходную с поэзией («проза поэта»), в которой есть элемент игры: «Позвольте мне взяться за Ломоносова. Имея мало затейливости в уме, я думаю, что мне лучше удастся статья важная, нежели игривая» [там же]. Отсюда своеобразный «обманный» ход – оттягивание погружения в прозу¹⁷. О полемике Баратынского

---

¹³ См. подробнее о реакции: [Головин, 2011, с. 119–135].

¹⁴ Эту реакцию Баратынского поясняет В. Михайлов, возводя «веселое конское сравнение» к псковской поговорке «*ржёт конь к печали, ногою топает – к погоне*» из собрания пословиц и поговорок XVII века немецкого купца Тённиса Фенне, записывающего русские пословицы и присловицы, возможно, известную Пушкину со времен ссылки в Михайловское. «Пушкин явно намекает на печаль Баратынского-эпика, которому не по силам угнаться за его поэмами, хотя тот и рвётся в творческую погоню, дабы помериться силами в стихах и в прозе» – предполагает В. Михайлов [Михайлов, <https://webkamerton.ru/2015/03/soyuz-lyubimcev-vechnyx-muz/>].

¹⁵ А в письме к И. Киреевскому он сообщает о своем творческом запое и удовольствии в работе над поэмой «Наложница»: «По приложенным стихам ты увидишь, что у меня новая поэма в пальцах, и поэма ультра-романтическая <“Наложница”>. Пишу ее, очертя голову» [29 ноября 1829 г., Баратынский, 1951, с. 493].

¹⁶ Ср. с пушкинским: «И я со вздохом признаюсь, за ней ленивей волочусь» [Пушкин, т. V, с. 118].

¹⁷ Скептически отношение окружения к обещанию Баратынского писать в прозе. Так, М. А. Максимович иронизирует по этому поводу в письме к Вяземскому: «Баратынский обещал написать повесть, но я готов бы сказать ему: не сули журавля в небе, а дай синицу в Денницу!» [январь, 9. Москва. Летопись, 1998, с. 251]. Это рифмуется с заме-

с Пушкиным см.: Струганов М.В. О повести Е. А. Баратынского «Перстень» // Мир романтизма. Вып. 4 (28): Материалы международной научной конференции «Мир романтизма». Тверь: ТвГУ, 2000. С. 71–75.

Есть один любопытный факт, связанный с историей создания повести «Перстень». А. С. Бодрова, реконструируя историю написания повести, говорит о творческом соревновании Баратынского и И. Киреевского, имея в виду повесть Киреевского «Опал». О ситуации сочинении «сказочки» (определение Баратынского) на спор упоминается в заметке супруги Баратынского о своем муже¹⁸.

Сам Баратынский не очень высоко оценивал свою повесть. Так, в ноябре 1831 г. он сообщает Киреевскому: «Теперь сию за повестью, которую ты помнишь: “Перстень”. <...> Все это посредственно; но для журнала годится» [Баратынский, 1951, с. 508]¹⁹. А в декабре 1831 г. все-таки просит: «Под сказкой <<Перстень>> поставь имя сочинителя» [Баратынский, 1951, с. 509].

О повести Баратынского «Перстень» писали ученые – специалисты по русской литературе XIX века: А. А. Карпов – в связи с пушкинскими «Повестями Белкина», А. Э. Еремеев – с русской философской прозой Любомиров [Еремеев, 1989]. А. А. Карпов, подчеркивая, что сюжет повести полигенетичен, констатирует полярные ее оценки – «ничем не примечательное» «нагромождение романтических мотивов» (Г. Хетсо), то, напротив, «пародия на мистико-романтическое понимание жизни» (V. Svaton) [Карпов, 1996, с. 174]. Ю. М. Лотман, указывая, что «... сама эта повесть казалась исследователям произведением случайным для поэта» [Лотман, 1994, с. 15]), сосредоточил свое внимание на архетипах (Опальский – чудака-отшельника – современный Дон Кихот) и прототипах (герой соотношен с историческими личностями, несущими черты этого персонажа мировой литературы: это Лопухин и Дмитриев-Мамонов).

чанием Баратынского в письме к И. Киреевскому: «Не говорю тебе о дальнейших моих замыслах из суеверия. Никогда того не пишешь, чем заранее похващаешь» [8 октября 1831 г., Баратынский, 1951, с. 504].

¹⁸ О сопоставлении повестей см.: Замятина Е. В. Философские повести И. В. Киреевского и Е. А. Баратынского: элементы фантастики и садово-парковая образность // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2 ч. Ч. I. С. 72–74.

¹⁹ Интересна оценка поэтом Н. Языковым прозы двух поэтов. В 1831 г. Языков пишет брату по поводу «Повестей Белкина»: «Баратынский тоже пишет повести в прозе: его будут гораздо лучше, он вообще мастер рассказывать» [Летопись, 1998, с. 277].

А. С. Бодрова, отмечая «сложность и прихотливость нарративного устройства повести, анализирует многослойность прозы Баратынского в сочетании в ней пародийности и оригинальности и в связи с «ложными» сюжетными ходами, тормозящими сюжет, утверждая не востребованность русской литературой предложенного Баратынским пути развития прозы [Бодрова, <https://philology.hse.ru/data/2016/12/13/1111701048/Бодрова%20доклад%20Перстень.pdf>]²⁰. Идею полигенетичности сюжета развивает Д. П. Ивинский [Ивинский, 2023].

На наш взгляд, нарратологический аспект повести изучен пока еще недостаточно; специфика нарратива связана с тем, что «Перстень» – это проза поэта, и в этой прозе действуют те же законы, что и в поэзии.

Поэтическая семантика

В. Шмид в работе «Проза как поэзия» предложил оригинальный подход к исследованию прозы [Шмид, 1999]. Вслед за ним предлагаем обратить внимание в исследовании прозы поэта на поэтическую семантику, и прежде всего на имена.

В фамилиях двух героев – Дубровин и Опальский – противостояние разных типов сознаний: вполне земного, погруженного в заботы мира насущного Дубровина, и полубезумного, пребывающего в каком-то запредельном мире – Опальского. Семантические комплексы, таящиеся в именах, определяют динамику сюжета.

И та, и другая фамилии не придуманы автором, а существуют в истории России. Так, Дубровин – фамилия реального дворянского рода, представители которого были известными людьми своего времени²¹.

Нет однозначности в толковании происхождения этой фамилии в истории культуры.

---

²⁰ См. также другие работы, например: Корюшкин А. С. Фантастический «элемент» в сюжете повести Е. А. Баратынского «Перстень» // Романтизм: грани и судьбы. 2006. № 6. С. 87–93; Шумилина Н. В. Трансформация балладного канона в повести Е. А. Баратынского «Перстень» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Вып. 6, ч. 2: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, 22-23 апреля 2005 г. Вып. 6, ч. 2: Литературоведение. С. 179–181.

²¹ Род Дубровиных (родоначальник – небогатый дьяк Дубровин) внесен в VI часть родословных книг Владимирской и Ярославской губерний. Два другие рода Дубровиных восходят к концу XVII века [<https://family.ru/database/surnames/dubrovin>].

Согласно первой версии, фамилия «Дубровин» происходит от существительного «дуброва». В Словаре В. Даля отмечено следующее: дубрава / дуброва – «чернолесье, лиственный лес, чистый лесок» [Даль, т. 1, с. 497], с отсылкой к фольклору: «Не шуми, мати, зеленая дубрава...» [там же]. В современных источниках представлены другие трактовки: «Дуброва или дубрава в старинном русском языке обозначает группу дубовых деревьев или леса, где преобладают дубы» [<https://family.ru/database/surnames/dubrovin>]. Но, возможно, фамилия Дубровин восходит к прозвищу или к какой-то особенности человека, связанной с дубами²². Дуб – одно из наиболее почитаемых у славян деревьев. Он символизировал мужское начало, мощь, силу, твердость, связывался с образом громовержца Перуна, служил местом и объектом жертвоприношений [Агапкина, 2019].

На наш взгляд, в фамилии с семантическим комплексом «дубравы/дубровы» скрыты биографические, философские, эстетические и историко-культурные смыслы, мерцающие в повести.

Очевидно, что на фоне других слов, обозначающих лесные массивы, – лес, роща, ельник, осинник и т.д., – «дубрава» более поэтична.

Наблюдения над лирикой поэта поясняют семантику «дубравы/дубровы».

Так, в двух стихотворениях, озаглавленных одинаково – «Родина» [см.: Боратынский, 1951], воссоздается одна и та же ситуация возвращения, имеющая биографический подтекст²³. В стихотворении «Родина» («Я возвращуся к вам,

²² Возможно, первые носители этой фамилии были либо высокими и прочными, как дубы, либо имели светлые волосы или кожу, напоминающую оттенок дубовой коры.

²³ В стихотворении 1821 г. присутствует вариант «дубрава». По наблюдениям В. Л. Козловой, «дубрава/дуброва» достаточно частотна в русской поэзии первой трети XIX века, причем вариант «дубрава» предпочтителен для А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, К. Ф. Рылеева, тогда как Баратынский использует вариант – «дуброва» (встречается 13 раз) [Козлова, 1991, с. 7]. В Словаре языка Пушкина, где дано определение, сходное с далевским («Это лиственный лес» [Словарь, т. 1, с. 744]), зафиксировано двойное использование слова Пушкиным: «Два дня ему казались новы / Уединенные поля, / Прохлада сумрачной дубровы, / Журчанье тихого ручья...» [Словарь, т. 1, с. 745]; «Бежит он, дикий и суровый, / И звуков и смятенья полн / На берега пустынных волн / В широкошумные дубровы» [там же, с. 745]. См. добавленное В. Л. Козловой: «...в Полтаве нет / Красавицы, Марии равной. / Она свежа, как внешний цвет, / Взлелеянный в тени дубравной» (*Полтава*), «Он был свидетель умиленный / Ее младенческих забав; / В тени хранительной дубравы...», «Вот, окружен своей дубравой, / Петровский замок...» (*Евгений Онегин*), «Но живет без всякой славы, / Среди зеленыя дубравы, /

поля моих отцов...», датировано 1821 годом, первоначальное заглавие «Сельская элегия»), где акцентируется «родовое», развернута программа существования на лоне природы – сельская идиллия с узнаваемыми мотивами жанра послания, заданного Батюшковым («Я буду издали глядеть на бури света...» [Боратынский, 1951, с. 73], «Хочу возделывать отеческое поле» [там же, с. 74], «... там дружба некогда сокроет пепел мой...» [там же, с. 74]; усматриваются ассоциации с Горацием, занимавшимся в ссылке огородом, и т.д.). Литературные формулы затушевывают реальный биографический смысл: в комментариях О. Муратовой и К. Пигарева [Боратынский, 1951, с. 551] «пенаты» получили две версии – село Подвойское, где поэт пребывал после ухода из Пажеского корпуса до поступления на военную службу (со ссылкой на свидетельство супруги поэта А. Л. Баратынской), и – Мара, усадьба поэта в Тамбовской губернии, куда он возвратился после финляндской ссылки²⁴.

В другом стихотворении «Родина» («Судьбой наложенные цепи...», датировано 1824 годом, печаталось под заглавием «Стансы», а в издании Л. Г. Фризмана – заглавие замещает первая строчка), содержащем также биографический подтекст, уже в меньшей степени используются литературные формулы, отсылающие к архетипическим ситуациям. Отказ от литературных формул и аналогий привел к более емким и универсальным («бродил

У семи богатырей / Та, что все ж тебя милей» (*Сказка о мертвой царевне и семи богатырях*», 1833), «И страждут озими от бешеной забавы, / И будит лай собак уснувшие дубравы» (*Осень*, 1833).

²⁴ Эта версия поддержана и Л. Г. Фризманом – автором комментариев в издании [Баратынский, 1982]. Об отношении поэта к родовой усадьбе писал в своих воспоминаниях его современник Н. М. Коншин: «Я не знавал человека, более привязанного к месту своего рождения: он, как швейцарец, просто одержим был этой, почти неизвестной у нас болезнью, которую французы называют *mal du pays* [ностальгия, тоска по родине]. Питая надежду на скорое производство в офицеры, обнаруживал смело перед нами желание тотчас же оставить службу и поселиться дома» [Боратынский, 1987, с. 341]. См. о мотиве возвращения: Топоров В. Н. Встреча в Элизии: об одном стихотворении Баратынского // *Themes and Variations: in Honor of Lazar Fleishman. Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Stanford, 1994. P. 197222*; Андреев В. Е. Пушкин и Баратынский. Свидание с «малой» родиной: опыт параллельного анализа двух стихотворений «Запустение», «Вновь я посетил...» // Слово и мысль Е. А. Баратынского: тез. международной конф., посвященной 200-летию со дня рождения Е. А. Баратынского. 21-24 марта 2000 года. Казань, 2000. С. 8–10; Ляпина Л. Е. Два «Возвращения» Е. А. Баратынского // *Consortium omnis vitae. сборник статей к 70-летию профессора Ф. П. Федорова. Даугавпилсский университет, Гуманитарный факультет, кафедра русской литературы и культуры. Даугавпилс, 2009. С. 287–297*; [Козубовская, 2006, с. 120–123].

по свету» [Боратынский, 1951, с. 190], «в глуши смиренной» [там же, с. 191] и т.д.). Утяжеленность стиха первого стихотворения снята 4-хстопным ямбом, демонстрирующим «освобожденное дыхание» (вздох и выдох запечатлены в образе «неги бездыханной» при созерцании родных мест) во втором. Здесь «возвращение» – этический жест, как бы перерезающий нить судьбы, соединяющей прошлое и настоящее²⁵. Признание в верности идеалам златого времени, завершающее стихотворение, замыкает и само существование поэта – вернувшегося изгнанника – в круг сомкнутого в самом себе бытия. «Дуброва» (индивидуальный вариант слова по сравнению с поэтами-современниками) оказывается хранилищем покоя и «тихого счастья», куда герой возвращается, испытав всю горечь бытия, чтоб найти уладу в уединенном существовании «на краю» (см. переключку с другим стихотворением: «... счастливый отдыхом, на счастье похожим, отныне с рубежа на поприще гляжу – и скромно кланяюсь прохожим» [«Безнадежность», Боратынский, т. 2/1, с. 40]). Биографический подтекст придает объемность стихотворению.

В более поздней лирике поэт, с одной стороны, отказывается от прямого использования поэтического образа «дубрава/дуброва». Так, в стихотворении, посвященном остыванию души – охлаждению к поэзии, появляется конкретика: «И как дубов не окликаю, – / так не ищущу созвучных слов» [«Бывало, отрок юным кликом...», Боратынский, т. 2/1, с. 261]. С другой стороны, в «Запустении» (в издании Л. Г. Фризмана указано: в 1835 году было опубликовано под заглавием «Я посетил тебя, пленительная сень» [Боратынский, 1982, с. 602]) «невянущая дуброва» – образ Элизия, где произойдет ожидаемая встреча со священной тенью отца. Очевиден семантический сдвиг: дуброва принадлежит теперь потустороннему миру, находящемуся за «недоступной» чертой. Но в «Осени» (1837), поражающей последними откровениями, есть и конкретный образ дубов (желтеющая «сень кудрявая дубов» [Боратынский, 1951, с. 279]) в картине роскошной осени и поэтические дубровы, убеленные снегом, как знак умирания природы, ее могильный образ²⁶.

---

²⁵ Подтекст, связанный с упоминанием друзей-декабристов, вел к цензурным запретам (донос Ф. Булгарина и т.д.).

²⁶ Дать дуба – умереть, обычай хоронить в дубовой колоде и пр. С X века славяне заворачивали умерших в бересту, а примерно с XII века стали хоронить покойников в долбленых, дубовых колодах-стухах (отсюда до наших дней дошло выражение «дуба дать» или «дать дуба раньше срока», то есть умереть). Гробы-стухи просуществовали до начала XVIII века. Прим. ред. – Е. Ю. Сафронова.

Так, «дубровы», вбирая в себя семантику жизни и смерти, становятся поэтическим выражением философии бытия и этической позиции Баратынского, что отзывается в фамилии героя повести – Дубровине.

Вторая фамилия – Опальский, также зафиксированная в истории России (в ней подчеркиваются польские корни), происходит от названия камня: «опал» (в переводе – «драгоценный камень»). Этот камень древние римляне называли «чарующим зрение», а древние греки – «поражающим глаз». Секрет опала – в оптическом эффекте: попав под яркое освещение, камень начинает светиться перламутровыми радужными цветными переливами или «пятнами» [см.: https://sokolov.ru/blog/about-jewelry/gems/magic-opal/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F].

Согласно одной из легенд, когда Зевс победил титанов, он впервые расплакался – от счастья. Застывшие слезы Зевса и стали теми самыми «драгоценными камнями».

Опал наделен в культуре многообразными смыслами. Одни считают, что он пробуждает потаенные человеческие страсти (говорили, что Марк Антоний влюбился в Клеопатру после того, как она пригласила его на обед, украсив комнату огнями, а себя – опалами), другие утверждают, что он помогает достигать целей (опал становится амулетом человека доброго, бескорыстного, которому начинает везти буквально во всём, тогда как нечестным и недобросовестным людям он сулит разные напасти), третьи – наделяют его способностью защищать от происков черной магии (в средние века – камнем, способным отогнать дьявола и призвать ангелов). В восточных странах опал носили в качестве амулета-охранника любви и семейного счастья²⁷.

М. Свердлин вслед за А. Карповым²⁸ отмечает «темный» смысл фамилии: «...Опальский – фамилия романтическая, загадочная, то ли это магический камень опал, то ли опала зашифрована в его фамилии, или то и другое

---

²⁷ См. о трагических судьбах носителей украшений из опала [<https://www.livemaster.ru/topic/1421567-blagorodnyj-opal-vseennaya-v-odnom-kamne>].

²⁸ А. Карпов в свою очередь ссылается на предположение Г. Хетсо, уточняя его: «... таким образом, акцентирует мотив его изоляции от людей, своего рода изгнания. (Подобное восприятие подкрепляют и ассоциации, вызываемые именем героя – именем святого Антония Великого, считающегося основателем отшельнической жизни.) Обе группы значений (“опала” – “опал”) дополняют друг друга в эмоционально-смысловом отношении» [Карпов, 1996, с. 178].

вместе» [Свердлин, <https://magisteria.ru/mysticism-and-magic-in-russian-literature/ring-by-baratynsky>]. Д. П. Ивинский раскрывает «пушкинский слой» «Перстня», усматривая в Опальском самого Пушкина – в отдельных деталях его биографии: «здесь и его опальное (ср. фамилию героя “Перстня”) отшельничество» “в лесах, пустынях молчаливых” Михайловского, и, конечно, его знаменитый перстень с “каббалистическими знаками”, с которым он “соединял даже талант свой” <...> и который часто отождествлялся с воспетым им «талисманом» <...>, обратившем на себя внимание современников» [Ивинский, 2023, с. 122].

Итак, имена мужских персонажей с их историко-культурными проекциями заключают в себе сюжет повести в свернутом виде.

«Двоение» сюжета повести отвечает универсальному принципу мышления Баратынского, выраженному в «антологической» (обозначение самого автора [Баратынский, 2012, т. 3/1, с. 85] миниатюре «Благословен святое возвестивший...», включенной в сборник «Сумерки»: «Две области: сияния и тьмы / Исследовать равно стремимся мы» [Баратынский, 2012, т. 3/1, с. 84]. В сопряжении имен – и соприкосновение миров, и снятие двоимирия, «мерцающего» в повести: оно недоказуемо и подвергается сомнению Дубровиным.

Дубровин принадлежит сфере реальной действительности, где все целесообразно, хотя и непредсказуемо. Он укоренен в родной почве, существуя в своем, им самим созданном мире. Добродетельный человек, не верящий в мистику и чудеса, он убеждается в том, что чудо в жизни – результат «доброй воли» соседа, оказавшего ему помощь в трудной ситуации.

Фамилия «Опальский» содержит в себе сюжетобразующие мотивы²⁹: герой пребывает в двух сферах одновременно, задав двоимирие повести (отшельничество, весьма скромное существование в реальной действительности и погружение в тайны бытия в другой). Камень создает ауру таинственности персонажа, его образа жизни и поступков; перстень с опалом – источник всех бед его владельца – очерчивает его судьбу. Изменчивость как свойство камня – предвестие непредсказуемых перемен в жизни героя; сильные страсти, им владеющие, делают его невосприимчивым к доводам рассудка, превращая в человека, готового переступить последнюю черту (мотив продажи души дьяволу) и т.д.

---

²⁹ Исследователи объясняют странности Опальского его дон-кихотской природой [Лотман и др.].

Описанные в его рукописи события, необъяснимые ситуации и поступки, могут двояко интерпретироваться: то ли это происходит в больном воображении героя, то ли в запредельном мире.

Еще одна закономерность, связанная с игрой именами: мужские персонажи сначала именуются только по фамилии.

Имя Опальского озвучено косвенным образом: Дубровин через прочтенную рукопись догадался, кто есть Антонио – герой рукописи. Тайна сохраняется, несоединенность двух ипостасей Опальского закрепляется пренебрежительной оценкой рукописи Дубровиным: несмотря на «сходство некоторых ее подробностей с народными слухами», «...это перевод какой-нибудь их этих модных повестей, в которых чепуху выдают за гениальное своеобразие» [Боратынский, 1951, с. 455]³⁰.

И только в одном эпизоде повести каждый из героев обретает имя: выслушав историю, рассказанную Марией Петровной, случайной гостьей, давней знакомой Дубровиных, захавшей к ним по дороге в Москву, Дубровин, отправляясь к Опальскому, называет его по имени – Антон Исаевич, радуясь разъяснению странной истории с перстнем.

В этом же эпизоде Мария Петровна называет имя самого Дубровина, обращаясь к нему, – Владимир Иванович. Марья Петровна предстает в двух ипостасях: когда-то молодая и ветреная девица, участвующая в издевательствах над бедным Опальским, в настоящем – помещица, погруженная в быт, озабоченная нескладывающейся судьбой дочери, напоминает мать Татьяны Лариной («Привычка свыше нам дана, / замена счастию она» [Пушкин, т. V, с. 43]). Тайнственные события рукописи получили вполне обыденное объяснение. Три персонажа, завязанные единым узлом, сосуществуют в пересечении нескольких версий событий, связанных с таинственным перстнем.

Возвращение имен – сюжетный ход писателя, которым отмечено погружение героев в обыденную действительность без чудес и волшебства, а сами они – обыкновенные люди, такие, как все.

Но Опальский, «пробуждение» которого накануне смерти остается за текстом (оно почти одномоментно раскрытию его тайны Марией Петровной), как бы совершает скачок из мира безумия в мир реальный; при этом его пробуждение от болезни остается никак не мотивированным в повести.

---

³⁰ Текст повести «Перстень» цитируется по: [Боратынский, 1951]. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

Имена главных участников событий повести подкрепляют отмеченные выше фамильные смыслы³¹.

Итак, два семантических центра, связанные с именами героев, определяют структуру художественного мира повести. Смоделированный в соответствии с законами поэтического мышления (исследование антиномий бытия), он обыгрывает «двоемирие»: в развертывающемся сюжете «балладная» встреча миров варьируется – то эти миры сосуществуют в одной плоскости, то один опрокидывается в другой, уничтожая его.

*Мотив дороги*³²

Дорога – образ, скрепляющий оба плана повести – реальной действительности, в котором существуют персонажи, и «мистической», – двубытийна и символична. Традиционный смысл – дорога жизни – наращивается постепенно, из взаимодействия планов.

Изъезженные дороги Дубровина – его путь к соседям за помощью, в которой отказано, – путь в никуда. Опальский – последний сосед и единственный, к которому еще не обращался Дубровин. Опальский и Дубровин существуют в контексте «первого» и «последнего»³³. «Последний» вбирает в себя полярности: это предел, после чего для Дубровина может наступить полный крах, но в то же время Опальский – последняя надежда и спасительный якорь.

³¹ Мы оставляем в стороне философию имени, опираясь только на самые очевидные смыслы: так, в имени Дубровина «Владимир Иванович» – скопление смыслов, обеспечивающих благополучие, покой, процветание; в имени Опальского сталкиваются противоположности, отражая сюжетную судьбу героя (по одной из гипотез имя происходит от римского родового имени Antopius, образованного от древнегреческого «антао», что означает «встречаться, сталкиваться», «вступать в бой», «состязаться», «противостоящий», «противник») [Суперанская, <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya/a/anton>]. А имя Исай, имеющее древнееврейское происхождение, означает «спасение Господне», «его дар» или «подарок» [Суперанская, <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya/i/isai>]. От противостояния к спасению и примирению – таков путь Опальского. В имени Мария (от древнееврейского «Мариам» – «любимая», «желанная», но в то же время «горькая», «безмятежная», иногда как «отвергнутая», «печальная», «госпожа») срабатывают скрытые смыслы.

³² Мы опираемся на определение мотива, сформулированное И. Силантьевым: мотив – «это эстетически значимая повествовательная единица, интертекстуальная в своем функционировании, инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [Силантьев, 2004, с. 96].

³³ О «первом» и «последнем» в поэзии Баратынского см. [Козубовская, 2016, с. 59–62].

Но «последний» неожиданно оборачивается «первым»: этот «переворот» ведет к восстановлению дел Дубровина и последующим вполне добрососедским отношениям. «Последний», встроенный в «первый», обеспечивает успех.

Первая дорога Дубровина к Опальскому сопряжена с таинственной атмосферой, со сказочными ассоциациями, – непроходимая, труднодоступная, пролегающая через лес, неровная, с кочками и ямами, она сулит неудачу. Но именно трудный путь оборачивается для Дубровина обретением утраченного благополучия и бесконечного счастья, неожиданно возвращенными ему добрым соседом. Первое посещение Дубровиным дома Опальского еще более усиливает таинственность происходящего (странные ощущения вызывает убранство дома, его антураж, интерьер – скелеты, череп, сухие травы и т.д.). Балладный ужас не срабатывает: «страшное» не свершается. Упавший с руки Дубровина и узанный Опальским перстень (он когда-то принадлежал ему) увязывает обоих в единый узел в двоящемся сюжете с не получившими объяснения поступками Опальского. В повести тайна перстня так и остается нераскрытой, а сам перстень – оказывается каким-то «призрачным», «миражным» предметом, пребывающим в двух мирах.

Сплетение судеб осуществляется на дороге жизни. Так, благодаря дороге в соседскую идиллию включается еще один человек. Обеспокоенный состоянием здоровья Опальского, Дубровин, отправляясь к нему, вынужден задержаться из-за захватившей гостя – Марии Петровны, давнишней знакомой Дубровиных, оказавшейся, как выяснилось, хозяйкой перстня. Перстень, которым владеет сейчас Дубровин, достался ему от жены, получившей его в подарок от Анны Петровны Кузминой, также общей знакомой Дубровиных.

Перстень, потерянный и найденный на дороге, меняя владельца, предопределяет человеческие судьбы³⁴. Особенно это очевидно в рукописи Опальского (он там Антонио), стечением обстоятельств враз превратившегося из властелина, обладателя волшебного перстня, в раба, вынужденного исполнять волю уже другого хозяина перстня.

Ступенчатое раскрытие тайны Опальского (сначала прочтение Дубровиным рукописи, в какой-то степени объясняющей некоторые обстоятельства прошлой жизни соседа, затем появление Марьи Петровны, раскрывшей

---

³⁴ См. о сюжетах с перстнем в литературе: Ильченко Н. М. Мотив перстня в русской романтической прозе // Традиции в русской литературе: межвузовский сборник научных трудов. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2011. С. 30–36; Ильченко Н. М. Русская романтическая проза: к проблеме культурной памяти: монография. Нижний Новгород: Мининский университет, 2018 и др.

эти завуалированные в рукописи обстоятельства) – двойная мотивировка тайны Опальского, в которой сталкиваются разные точки зрения. Мария Петровна, узнав перстень, некогда ей принадлежащий, разъясняет «таинственный» смысл событий, описанных в рукописи. «Мистические» события жизни Опальского не что иное, как проказы и издевательства над ним его тогдашнего окружения – офицеров и Марии, молодой девицы, смеющихся над чародеем, провозгласившим себя чуть ли не властелином природы. Дорога в деревню – ее последний приказ незадачливому влюбленному – закрепляет отшельническое существование Опальского. Непоставленная точка в рукописи, оборванной на самом интересном месте, – стык двух реальностей: «мистическое» получает продолжение, будучи опрокинутым в реальную действительность. Непоставленная точка в рукописи ведет к цепочкам, связанным с интерпретацией тайны в реальной действительности, которые, в конечном счете, так и не раскрывают тайну перстня.

Дорога Дубровина к умирающему соседу завершается предсмертным признанием Опальского: он благодарен соседу за то, что тот, в отличие от других, не воспользовался его слабостью – расстройством ума, в результате чего, как признается сам Опальский, он «проснулся», т.е. пробудился от безумия. «Балладное» «раз и пробудилась» вроде бы получает объяснение в приобщении Опальского к чужому счастью, к радостям семейной жизни Дубровиных, вследствие чего Опальский обрел душевный покой. Мария, любимая женщина из прошлого, виновница многих его бед, рассказывая об этом прошлом, не просит прощения у не присутствующего здесь Опальского, но самим рассказом она как бы снимает заклятие с Опальского. Нет прямого покаяния повзрослевшей и постаревшей Марии, но раскаяние присутствует в оценках, которыми наделены прошлые забавы: «непростительной шуткой» названы издевательства над Опальским. Так свершилось в повести таинство соприкосновения судьб.

Оставленное Дубровину наследство завершившим земной путь Опальским – реальное чудо. Перстень в финале теряет свои волшебные свойства, оказываясь никому не нужным предметом: Мария Петровна, не верящая ни в какие чудеса, отказывается от него. В отказном жесте – ее нежелание вернуться в прошлое, к собственной жестокости. Возможно, неустроенная судьба ее дочери Даши – наказание для нее за прошлое. Полученное Дубровиным наследство благополучно поделено, и бесприданница Даша получила часть его в подарок для счастливого устройства судьбы. В цепочках причинно-следственных связей – разрывы, ведущие к возможности неоднозначного истолкования фактов. Так, перстень чуть было не внес раздор в семейную идиллию:

Дубровин заподозрил было жену в давнишнем знакомстве с Опальским, которое она, как ему показалось, скрывала от него. А в немотивированном пробуждении от жизни-сна Опальского остается намек на соприкосновение с мирами иными: в его завещании то ли Дубровин как наследник двоится, то ли какой-то перстень завещан кому-то другому, что замыкает авторская ирония, содержащая намек на возможные неожиданности, вытекающие из невнятицы («Дубровин и владетель перстня могли иметь бесконечную тяжбу», с. 458). Двупостасность Опальского сохраняется.

«Дорога» – иллюзорная скрепа двух миров, оставшихся не соединенными: нет пути из одного в другой, преобладают разрывы, лакуны, устраняющие саму возможность их сосуществования. Финальная идиллия демонстрирует возможность людей оставаться добрыми и человечными.

Мифопоэтика числа

«Числа – элементы особого числового кода, с помощью которого описываются мир, человек и сама система метаописания», – отмечает В. Н. Топоров [Топоров, 1980, с. 629]. Ученые говорят о пронизанности всей культуры числами.

В нарративе повести «Перстень» срабатывает семантика Числа, и одно из самых значимых – «15».

Так, недлинная дорога от Дубровина к Опальскому измеряется пятнадцатью верстами. Опальский существует в особом хронотопе, заданном «15»: «Пятнадцать лет назад он приехал в свое имение» (с. 447), поселился здесь и жил отшельником, хотя имел богатый дом, сад, хороший доход. Число «15» отсылает ко времени римского императора Константина, когда время исчислялось индиктами – периодами, включающими 15 лет [См. подробнее: Кириллин, 2000, с. 53]. Схождение пространственной горизонтали с вертикалью – в «15» обнажают неоднородность мира, его объемность, создав «мерцающее» двоереальное. 15-е число – середина синодального периода лунного календаря – полнолуние. Отсветы этого предопределяют загадочную атмосферу первого посещения дома Опальского. Рукопись, приобщая Дубровина, прочитавшего ее, к судьбе соседа, встроена в повествование о реальной действительности: одно плавно перетекает в другое, договаривая «темное» в реальности.

«Пятнадцать», значимое в истории культуры, обрывает в повести различными ассоциациями.

Наиболее существенны, на наш взгляд, смыслы, связанные с Библией; именно в них – намеки на расшифровку сюжета.

Один из самых важных смыслов «пятнадцати» – восхождение (15 ступеней к Храму и 15 псалмов – песни восхождения). 15 шагов – символ пути к просветлению, метафорическое путешествие к Богу [См. подробнее: Кириллин, 2000, с. 59]³⁵.

В то же время это число – символ божьего суда и неизбежности последствий человеческих поступков. В. М. Кириллин считает, что глубинный смысл числа 15 раскрывается понятиями «искупительной жертвы» и «вечной жизни» [там же].

В реальном мире для Опальского ежедневные посещения Дубровина (подобные движению маятника), созерцание тихого счастья семейства Дубровиных несут ему очищение, искупление, восхождение – совершающуюся в нем внутреннюю работу самосовершенствования.

Метаморфозы дороги Антонио в рукописи – от дороги в ад (дорога, пролегающая через недоступную черту, дорога без конца и начала, вертикаль – спуск в потусторонний мир – после продажи души дьяволу) к бесконечной дороге, когда, утратив волшебный перстень и превратившись из властелина, способного управлять чужими чувствами, в ничтожного раба, отосланного, в конце концов, подальше от себя теперешним хозяином перстня; к незавершенной дороге в неоконченной рукописи – к дороге, ведущей к своей усадьбе уже в реальном мире.

Число «15» обыгрывается и в рукописи: возраст Антонио в рукописи – 450 лет: это «15» в тридцатикратном умножении или «15х3х100».

«15» – число, означающее в Библии покой. Опальский его обретает, вернувшись в реальный мир накануне самой смерти.

Есть еще один мерцающий смысл: «5», входящая в «15», – указывает на 5 ран Христа на кресте (жертвенная символика). Страдания Опальского искупают его преступления – продажу души дьяволу, чернокнижие. Обреченный на одиночество, он не отступает от обета, но, узнав перстень, превращается не в раба, а в доброго соседа, живущего с Дубровиным по законам сельской идиллии.

В удвоенном сюжете Опальского история прошлых событий в версии Марии Петровны остается, неведомой ему. Но слово, произнесенное вслух, преображает мир, снимая заклятье, нанесенное когда-то темными силами, недобрыми душами. Пробуждение Опальского, находящегося «верстах в пятнадцати от деревушки Дубровина» (с. 447), связано с рассеиванием «темной»

---

³⁵ И обратный этому – спуск в вертеп Христова – 15 мраморных ступеней [Кириллин, 2000, с. 59].

энергии. Очищение и прощение – взаимодействие душ в земном пространстве, изживших в страданиях свою греховность.

В повести обыгрываются и другие числа. Например, мерцающие смыслы «тройки».

Так, вернувшийся в свою деревню Опальский живет в доме из трех комнат: две, в которых он и помещается, пристроил к третьей. В его доме присутствуют странные вещи – два скелета и череп на столе («тройка»), свидетельствующие о его занятиях. Несмотря на «странности» мира, устроенного Опальским, «тройка» несет спасительный смысл.

По слухам, он «не проживал и тридцатой части своего годового дохода» (с. 447): «30» – «15x2», очевидно, что «остатки» пошли на оказание помощи доброму соседу Дубровину.

Дубровин поехал к нему искать счастья на телеге, запряженной тройкой, хотя большую часть пути вынужден был идти пешком из-за непроходимости леса. Тройка также оказалась спасительной.

Но рядом с этими существуют другие числа, разрушающие волшебство и сказочность повествования.

Так, первая помощь Дубровину – это 10 тысяч³⁶, испрошенные Дубровиным им у Опальского, которые тот уже на следующий день после посещения его Дубровиным сам привез. Число «10» ассоциируется с десятью заповедями христианства; это символ завершенности и совершенства для людей, стремящихся найти баланс в жизни³⁷.

«Десять» одновременно является и завершением, и точкой отсчета.

Согласно другой интерпретации, единица служит символом рождения, ноль – символом смерти, а между собой они вмещают целый цикл последовательностей, соответствующих жизни человека. [https://vk.com/wall-199957523_258].

В повести заметны две тенденции обыгрывания чисел: кроме одной, связанной с благоприятными числами, срабатывает другая, противоборствующая этой.

---

³⁶ В древности философы и мыслители считали, что число 10 олицетворяет саму Вселенную и опыт, который удалось накопить человеческому роду за все время своего существования. Из-за присутствия нуля, обладающего идеальной геометрической формой круга, древние полагали, что в десятке скрыты символы единства и весь предыдущий ряд простых чисел.

³⁷ 10 – совершенное число у пифагорейцев. Прим. ред. – Е. Ю. Сафронова.

Использование чисел, не несущих в себе 15, 3, 5, – боковой ход, затемняющий смыслы этих благоприятных чисел. «Боковые ходы» – прием в лирике Баратынского, связанный с неожиданным уходом от традиционных и ожидаемых читателем схем. Например: «... в душе моей одно волнение, а не любовь пробудишь ты» [Баратынский, т. 1, 2002, с. 236], «С толпой соперников моих я состязаться не желаю и превосходной силе их без битвы поле уступаю» [там же, с. 209], «... Ужель обманщицу другую мне не пошлет в награду бог...» [там же, с. 257], а также в «Признании» и «Оправдании» [см. подробнее: Козубовская, 2006].

Отправляясь в дальнюю дорогу, Марья Петровна, не может не повидаться с давнишними знакомыми («... хотя бы и за 70 верст...», с. 455). «Семьдесят» как знак отдаленного расстояния ассоциируется с «7» из фразеологизма «за семь верст киселя хлебать», иронический смысл которого снят искренними чувствами встретившихся. Вообще, число «70» означает удачу.

Узнав перстень, Марья Петровна вспомнила, что потеряла его «лет 8 назад» (с. 455), «8» – число, уводящее от тройки, девятки и т.д.³⁸

Дорога оказывается локусом, приносящим и удачу, и несчастья. Перстень, потерянный и обретенный на дороге, утрачивает свое «волшебство», становясь призрачным: ученые сообщают о том, что вода, попавшая на камень, ведет к тому, что он исчезает, превращаясь в ничто.

Сюжет повести связан с несколькими НЕ:

– **незавершенность** истории в рукописи, погружающей в «обратное время», получает безусловное «завершение» в другой реальности (завещание Опальского носит полубредовый характер), сохраняя некоторую недоговоренность;

– **не-встреча** Опальского с Марией в сюжете через много лет его отшельнической жизни и их несостоявшееся объяснение, тем не менее, содержит намек на изменения каждого (Опальский пробуждается от «сна жизни», освобождаясь от своего безумия; Мария – взрослеет и, возможно, испытывает покаяние) и некое соприкосновение душ;

– **невозвращенность** перстня, превращенного в ненужный предмет, – отказной жест – и желание разорвать цепочку причинно-следственных отношений в их заданности, намек на иные упущенные возможности, знак неверия в мистическую тайну и бессилия темных сил, овладевающих человеком

³⁸ 8 – число бесконечности. Прим. ред. – Е.С.

«Начала» и «концы» повести в какой-то степени совпадают: идиллией начинается повесть и ею завершается. Но «возвращение на круги своя», описав сюжетный круг, замыкается в утопии добра и благоденствия. «Двоящийся» сюжет с переключениями из одного плана в другой, мистический, не снимает вопрос о «двоемирии», «мерцающем» в «странностях» Опальского, в его «большом сознании» и не изжитом окончательно безумии. В «боковых ходах» – ступенчатом раскрытии тайны перстня – реализация приема негирования, характерного для лирики поэта. Нестыковки, лакуны, скрытые мотивировки остаются в подтексте – в историко-культурных ассоциациях, раскрывающих сюжетные смыслы. В «прозе поэта» отражается лирик Баратынский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Агапкина, Т. А.** Деревья в славянской народной традиции: Очерки / Т. А. Агапкина. – Москва: Индрик, 2019. – 656 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
2. **Баратынский, Е. А.** Стихотворения. Поэмы / Изд. подгот. Л. Г. Фризман / Е. А. Баратынский. – Москва: Наука, 1982. – 720 с. – (Серия «Литературные памятники»).
3. **Благородный опал.** Вселенная в одном камне. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4262933/post373245349/> (20.12. 2024).
4. **Бодрова, А. С.** Нарративная структура повести Е. А. Баратынского «Перстень» в контексте эволюции русской повести 1820-х – 1840-х годов (предварительные замечания) / А. С. Бодрова. – URL: <file:///C:/Users/Галина/Desktop/Барат/1%20Бодрова%20доклад%20Перстень.pdf>. (23.12.2024).
5. **Баратынский, Е. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. / Руководитель проекта А. М. Песков / Е. А. Баратынский. – Москва: Языки славянской культуры, 2002 – ...
6. **Баратынский, Е. А.** Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Подг. С. Г. Бочаров и Л. В. Дерюгина / Е. А. Баратынский. – Москва: Правда, 1987. – 480 с.
7. **Баратынский, Е. А.** Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. Подготовка текста и примечания О. Муратовой и К. Пигарева / Вст. статья К. Пигарева / Е. А. Баратынский. – Москва: Гослитиздат, 1951. – 648 с.
8. **Гарт, И. В.** Поздние поэмы А. С. Пушкина «Полтава», «Тазит» и «Анджело» (аспекты композиции): автореферат дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.01.01 – Русская литература / И. В. Гарт. – Новосибирск, 2007. – 23 с.
9. **Головин, В. В.** «Барышня-крестьянка»: почему Баратынский «ржал и бился» / В. В. Головин // Русская литература. – 2011. – № 2. – С. 119–135.

10. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. А-З. – Москва: Русский язык, 1978. – 699 с.
11. **Еремеев, А. Э.** Русская философская проза (1820–1830-е годы): монография / А. Э. Еремеев; под ред. д-ра филол. наук А. С. Янушкевича; Омск. пед. ин-т. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1989. – 188 с.
12. **Ивинский, Д. П.** Две повести в стихах», «Перстень» и неожиданные развязки / Д. П. Ивинский // Болдинские чтения–2023. – Нижний Новгород, 2023. – С. 113–125.
13. **Карпов, А. А.** «Перстень» Баратынского и «Повести Белкина» / А. А. Карпов // Концепция и смысл. Сборник статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича / под редакцией А. Б. Муратова и П. Е. Бухаркина. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 171–185.
14. **Карпов, А. А.** Типы межтекстовых отношений в русской литературе первой половины XIX в.: диссертация ... д-ра филологических наук в форме науч. докл.: 10.01.01 – Русская литература / А. А. Карпов. – Санкт-Петербург, 2000. – 54 с.
15. **Кириллин, В. М.** Символика чисел в литературе Древней Руси (11–16 в.) / В. М. Кириллин. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 320 с.
16. **Козубовская, Г. П.** Мифопоэтика русской литературы: жанр и мотив. Монография / Г. П. Козубовская. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – 267 с.
17. **Козубовская, Г. П.** Русская литература: миф и мифопоэтика: монография / Г. П. Козубовская. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. – 324 с.
18. **Коншин, Н. М.** Воспоминания о Боратынском, или Четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823/ Подг. П. Я. Бейсов / Н. М. Коншин // Краеведческие записки Ульяновского обл. краеведческого музея. – Ульяновск, 1958. – Вып. 2. – С. 389–404.
19. **Кулагин, А. В.** Пушкинский замысел статьи о Баратынском / А. В. Кулагин // Пушкин: Источники. Традиции. Поэтика. – Коломна, 2015. – С. 33–49.
20. **Летопись** жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков; текст подгот. Е. Э. Лямина и А. М. Песков. – Москва: Новое литературное обозрение, 1998. – 496 с.
21. **Лотман, Ю. М.** Повесть Баратынского о русском Дон-Кихоте / Ю. М. Лотман // Классицизм и модернизм. Сборник статей / Тартуский университет: Кафедра русской литературы; Стокгольмский университет: Институт славянских и балтийских языков. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. – С. 15–26.

22. **Михайлов, В. Ф.** Боратынский / В. Ф. Михайлов. – Москва: Молодая гвардия, 2015. – 486 с. – (Серия: Жизнь замечательных людей).
23. **Пушкин, А. С.** Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Ленинград: Наука, ленингр. отд., 1977–1979.
24. **Свердлин, М.** «Перстень» Баратынского: магический предмет и чудеса взаимоотношений / М. Свердлин. – URL: <https://magisteria.ru/mysticism-and-magic-in-russian-literature/ring-by-baratynsky> (23.12. 2024).
25. **Силантьев, И. В.** Поэтика мотива / И. В. Силантьев. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 223 с.
26. **Словарь языка Пушкина:** в 4 т. 2-е изд., доп. Т. 1. – Москва: Азбуковник, 2000. – 974 с.
27. **Суперанская, А. В.** Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. – Москва: Айрис-пресс, 2005. – 384 с. – (От А до Я).
28. **Топоров, В. Н.** Числа / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – Москва: Советская энциклопедия, 1988. – С. 629–631.
29. **Фамилия Дубровин:** версии о происхождении и значении. – URL: <https://famiry.ru/database/surnames/dubrovin> (20.12. 2024).
30. **Флейшман, Л.** Об одном приеме Баратынского / Л. Флейшман // *Quinquagenario*. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. – Тарту, 1972. – С. 147–153.
31. **Шмид, В.** Проза как поэзия / В. Шмид. – Москва: Инапрес, 1998. – 352 с.
32. **Sokolov.** Тайна опала: интересные факты и магические свойства. – URL: https://sokolov.ru/blog/about-jewelry/gems/magic-opal/?utm_referer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (20.12. 2024).

REFERENCES

1. **Agapkina, T. A.** Derevy a v slavyanskoj narodnoj tradicii. Oчерki / T. A. Agapkina. – Moskva: Indrik, 2019. – 656 s. (Tradicionnaya duhovnaya kultura slavyan. Sovremennije issledovaniya).
2. **Baratinskii, E. A.** Stihotvoreniya. Poemi / Izd. podgot. L. G. Frizman / E. A. Baratinskii. – Moskva: Nauka, 1982. – 720 s. – (Seriya «Literaturnie pamjatniki»).
3. **Blagorodnii opal.** Vselennaya v odnom kamne. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4262933/post373245349/> (20.12. 2024).
4. **Bodrova, A. S.** Narrativnaya struktura povesti E. A. Baratinskogo «Persten» v kontekste evolyucii russkoj povesti 1820-h–1840-h godov (predvaritelnie zamechani) – URL: <file:///C:/Users/Галина/Desktop/Барат/1%20Бодрова%20доклад%20Перстень.pdf>. (23.12.2024).

5. **Boratinskii, E. A.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 3 t. / Rukovoditel proekta A. M. Peskov / E. A. Boratinskii. – Moskva: Yaziki slavyanskoi kulturi, 2002 – ...

6. **Baratynskij, E. A.** Stihotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov / Podg. S. G. Bocharov i L. V. Deryugina / E. A. Baratynskij. – Moskva: Pravda, 1987. – 480 s.

7. **Baratynskij, E. A.** Stihotvoreniya. Poemy. Proza. Pis'ma. Podgotovka teksta i primechanaya O. Muratovoj i K. Pigareva / Vstupitel'naya stat'ya K. Pigareva / E. A. Baratynskij. – Moskva: Goslitizdat, 1951. – 648 s.

8. **Dal', V. I.** Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. T. 1. A–Z. – Moskva: Russkij yazyk, 1978. – 699 s.

9. **Eremeev, A. E.** Russkaya filosofskaya proza (1820–1830-e gody): monografiya / A. E. Eremeev; pod red. d-ra filol. nauk A. S. Yanushkevicha; Omsk. ped. in-t. – Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 1989. – 188 s.

10. **Familiya Dubrovin:** versii o proiskhozhdenii i znachenii. – URL: <https://famiry.ru/database/surnames/dubrovin> (20.12. 2024).

11. **Flejšman, L.** Ob odnom prieme Baratynskogo / L. Flejšman // Quinquagenario. Sbornik statej molodyh filologov k 50-letiyu prof. Yu.M. Lotmana. – Tartu, 1972. – S. 147–153.

12. **Gart, I. V.** Pozdnie poemy A. S. Pushkina «Poltava», «Tazit» i «Andzhelo» (aspekty kompozicii): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura / I. V. Gart. – Novosibirsk, 2007. – 23 s.

13. **Golovin, V. V.** «Baryshnya-krest'yanka»: pochemu Baratynskij «rzhali i bilsya» / V. V. Golovin // Russkaya literatura. – 2011. – № 2. – S. 119–135.

14. **Ivinskij, D. P.** Dve povesti v stihah», «Persten'» i neozhidannye razvyazki / D. P. Ivinskij // Boldinskie chteniya – 2023. – Nizhnij Novgorod, 2023. – S. 113–125.

15. **Karpov, A. A.** «Persten'» Baratynskogo i «Povesti Belkina» / A. A. Karpov // Konceptsiya i smysl. Sbornik statej v chest' 60-letiya professora V. M. Markovicha. pod redakciej A. B. Muratova i P. E. Buharkina. – Sankt-Peterburg, 1996. – S. 171–185.

16. **Karpov, A. A.** Tipy mezhtekstovyh otnoshenij v russkoj literature pervoj poloviny XIX v.: dissertaciya ... d-ra filologicheskikh nauk v forme nauch. dokl.: 10.01.01 – Russkaya literatura / A. A. Karpov. – Sankt-Peterburg, 2000. – 54 s.

17. **Kirillin, V. M.** Simvolika chisel v literature Drevnej Rusi (11– 16 v.) / V. M. Kirillin. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2011. – 320 s.

18. **Kozubovskaya, G. P.** Mifopoetika russkoj literatury: zhanr i motiv. Monografiya / G. P. Kozubovskaya. – Barnaul: AltGPU, 2016. – 267 s.

19. **Kozubovskaya, G. P.** Russkaya literatura: mif i mifopoetika: monografiya / G. P. Kozubovskaya. – Barnaul: Izd-vo BGPU, 2006. – 324 s.
20. **Konshin, N. M.** Vospominaniya o Boratynskom, ili Chetyre goda moej finlyandskoj sluzhby s 1819 po 1823/ Podg. P. Ya. Bejsov / N. M. Konshin // Kraevedcheskie zapiski Ul'yanovskogo obl. kraevedcheskogo muzeya. – Ul'yanovsk, 1958. – Vyp. 2. – S. 389–404.
21. **Kulagin, A. V.** Pushkinskij zamysel stat'i o Baratynskom / A. V. Kulagin // Pushkin: Istochniki. Tradicii. Poetika. – Kolomna, 2015. – S. 33–49.
22. **Letopis' zhizni i tvorchestva E. A. Boratynskogo** / Sost. A. M. Peskov; tekst podgot. E. E. Lyamina i A. M. Peskov. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – 496 s.
23. **Lotman, Yu. M.** Povest' Baratynskogo o ruskom Don-Kihote / Yu. M. Lotman // Klassicizm i modernizm. Sbornik statej / Tartuskij universitet: Kafedra russkoj literatury; Stokgol'mskij universitet: Institut slavyanskih i baltijskih yazykov. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. – S. 15–26.
24. **Mihajlov, V. F.** Boratynskij / V. F. Mihajlov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2015. – 486 s. – (Seriya: Zhizn' zamechatel'nyh lyudej).
25. **Pushkin, A. S.** Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin. – Leningrad: Nauka, leningr. otd., 1977/1979.
26. **Shmid, V.** Proza kak poeziya / V. Shmid. – Moskva: Inapres, 1998. – 352 s.
27. **Silant'ev, I. V.** Poetika motiva / I. V. Silant'ev. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 223 s.
28. **Slovar' yazyka Pushkina:** v 4 t. 2-e izd., dop. T. 1. – Moskva: Azbukovnik, 2000. – 974 s.
29. **Sverdlin, M.** «Persten'» Baratynskogo: magicheskij predmet i chudesa vzaimootnoshenij / M. Sverdlin. – URL: <https://magisteria.ru/mysticism-and-magic-in-russian-literature/ring-by-baratynsky> (23.12. 2024).
30. **Superanskaya, A. V.** Sovremennyj slovar' lichnyh imyon: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie / A. V. Superanskaya. – Moskva: Ajris-press, 2005. – 384 s. – (Ot A do Ya).
31. **Toporov, V. N.** Chisla / V. N. Toporov // Mify narodov mira: Enciklopediya: v 2 t. T. 2. – Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1988. – S. 629–631.
32. **Sokolov.** Tajna opala: interesnye fakty i magicheskie svojstva. – URL: https://sokolov.ru/blog/about-jewelry/gems/magic-opal/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (20.12. 2024).